

УДК 101.1

ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ В КОНТЕКСТЕ КОМПАРАТИВИСТИКИ¹

Зарапин О. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: zaraoleg@yandex.ru

В статье ставится вопрос о соотношении диалога в значении формы философского текста и в значении концепта, используемого в современных компаративистских исследованиях. Вопрос о таком соотношении нацелен на прояснение условий, обеспечивающих концепту диалог с его компаративистской релевантностью. Данные условия выявляются в рамках типологических особенностей текстовой организации философского диалога. Понятие «тип» текста раскрывается в контексте используемой Платоном политически-философской метафоры философа как «основателя государства» (οἰκιστῆι πόλεως), который решает, чем занимаются поэты. Отмечается, что диалог есть не столько определенный тип текста, сколько «формат текстовой культуры», в рамках которого выделяются различные (практический, теоретический и «двусмысленный») типы философских текстов. Выдвигается тезис о типологической соотнесенности философского текста и религиозного, научного, художественного текстов. С точки зрения платоновской метафоры ставится вопрос и обозначается перспектива исследования политически-философских текстов как символических прототипов текстовой культуры диалога, рассматриваемой в трех ее типовых выражениях.

Ключевые слова: диалог, тип, формат, текстовая культура, компаративистика.

В лексиконе современных компаративистских исследований заметное место занимает термин «диалог». Выражение «диалог культур» [3; 5] стало традиционным, оно репрезентирует широкий фронт комплексных исследований и, не вмещаясь в рамки методологической постановки вопроса, включает в себе мировоззренческую нагрузку, находящую свое философское выражение и осмысление в соотношении с такими понятиями, как «межкультурный диалог» [15; 28] и «межкультурная философия» [22].

Обратим внимание, что в компаративистском контексте концепт «диалог» наряду с рефлексией культуры репрезентирует также феномен междисциплинарности. Один из первых случаев подобной репрезентации можно увидеть в сочиненном П. Абеляром «Диалоге между философом, иудеем и христианином», а современное воплощение – в толковании диалога как встречи с Другим и поиска точек соприкосновения между, к примеру, «философией и наукой»

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации».

[25], «верой и неверием» [26], «наукой и буддизмом» [9], «творчеством и технологией» («science-art») [27]. В этом смысле междисциплинарный ресурс диалога раскрывается как способ взаимодействия различных «когнитивных практик» [16]. Ближе к данному пониманию подходит Г. Д. Гачев в работе «Гуманитарный комментарий к физике и химии. Диалог между науками о природе и человеке». В почти назидательном тоне автор замечает: «Современный человек должен допустить, что те же явления, которые для него предстают в математических формулах, в строгих терминах разных наук, в моделях и графиках, осваивали и в мифологиях, в поэзии, в философии, в религиях...» [8, С. 13].

Замечание Гачева интересно тем, что дает мировоззренческий срез диалога как философского концепта, основу которого составляет усилие видеть во множестве языков единый мир выражения. С точки зрения этого усилия междисциплинарность стыкуется с выражением «диалог культур», которое передает мысль о том, что произведения культуры не есть застывшие «образцы» или «памятники», но имеют смысл как «опыты начинания – видеть, слышать, говорить, понимать» [5, С. 661]. Междисциплинарный диалог – это синхроническая картина, укорененная в диахронии культурной идентичности. В. С. Библер и А. В. Ахутин делают важное замечание: «Поэт, Философ, Герой, Теоретик, Мистик – в каждой эпохальной культуре они связаны как персонажи единой драмы и только в этом качестве могут вступить в исторический диалог. Платон современен Канту и может быть его собеседником лишь тогда, когда Платон понят в своем внутреннем общении с Софоклом и Евклидом, а Кант – в общении с Галилеем и Достоевским» [там же].

Каким образом соотносятся диалог как концепт, выражающий философское ядро компаративистской мысли, и диалог как наследуемая от античности форма философского текста? Вопрос отнюдь не надуманный, ведь фактически мы имеем дело с результатом определенного процесса, в ходе которого текст как локализованный внутри культуры предмет становится «точкой зрения» и трансформируется в язык описания самой культуры. Не видеть этот процесс в его действии – значит в конечном итоге упустить из виду сущность диалога и воспринимать его просто как вполне заменимую фигуру речи.

Но «диалог» – это не фигуральное выражение и не имя, его нельзя заменить на «общение», «коммуникация», «контакт» и т. п., как если бы шла речь о реальности, которую можно по-разному именовать. В том-то и дело, что философски схваченный диалог обозначает не реальность культурной жизни, а метафизически нагруженную позицию осмысления этой реальности. Поэтому у диалога нет синонимов и любое пере-называние будет означать другую позицию, дающую иную смысловую картину культуры. Коль скоро компаративистская мысль центрирована концептом диалога, условием значимости этого концепта является рефлексия того, что соотносит его с диалогом как формой философского текста. Мы полагаем, что такая рефлексия может быть представлена посредством вопроса о диалоговой форме философского текста с точки зрения ее типовой идентификации. В дальнейшем мы намереваемся показать, что в качестве релевантного компаративистике концепта диалог актуализируется в той мере, в какой коммуникативная ситуация текста диалога дает основание для построения

типологии философских текстов, в рамках которой понятие «тип текста» нагружается междисциплинарным значением.

Хорошо известно, что Платон в своих размышлениях об устройстве государства весьма критично относится к поэтам. Вопрос о том, каким должен быть поэтический текст, это вопрос, заданный философом, который мысленно занимает позицию «основателя государства» (οἰκιστῆν πόλεως) [18, С. 158] и которому важно «знать, какими должны быть основные черты поэтического творчества» (εἰδέναι ἐν οἷς δὲ μυθολογεῖν τοὺς ποιητάς) [там же].

Обратим внимание на платоновское «мыслить как основатель государства». Как истолковать подобную позицию? Во-первых, это позиция, в которой Платон намеренно совмещает точку зрения философа, постигающего вечный Космос, и точку зрения политика, преследующего конкретные интересы государственного строительства. Во-вторых, сочетание философской рефлексии и политического расчета позволяет рассматривать и оценивать поэтические тексты как типажи, т. е. «отпечатки» философского «образца» (τύπος) речи, предназначенной к воспитанию молодых людей. В-третьих, «основание государства» является весомой политически-философской метафорой, в рамках которой понятие «тип текста» осмысливается, как бы мы сегодня сказали, в приближении к компаративистскому соотношению поэзии и философии.

Насколько позиция Платона позволяет расширить рассуждения до типологии? Применима ли она к построению типологии философских текстов? Ответить на эти вопросы помогает Филон Александрийский, когда разъясняет библейскую идею творения мира посредством аллегории строительства города; эта идея вполне сопоставима с платоновской метафорой законодателя как «основателя государства».

У Филона Александрийского в «О сотворении мира согласно Моисею» мы находим следующее рассуждение: когда строится город, приходит человек, обученный зодческому искусству, и вначале в уме рисует все части города, который собирается строить. «Запечатлев, словно на воске, в своей душе образ каждой из частей, он воздвигает умопостигаемый город» [24, С. 54] (εἶθ' ὅσπερ ἐν κηρῷ τῇ ἑαυτοῦ ψυχῇ τοὺς ἐκάστων δεξάμενος τύπους ἀγαλματοφορεῖ νοητὴν πόλιν [Philo., 19]). Затем, «взирая на образец» (ἀνακινήσας τὰ εἶδωλα), мастер начинает строительство города. В изложении Филона εἶδωλον и τύπους – это близкие и все-таки разные понятия, их отличает вопрос о том, идет ли речь об образце в смысле только задумываемого плана или уже применяемого в практике строительства.

Что нам дает аллегория Филона, сопоставляемая с мысленным экспериментом Платона? Метафора города (πόλις) дает не просто образ распланировки местности, в сравнении законодателя и архитектора проявляется антропоморфная структура, релевантная в отношении анализа текстовой культуры с точки зрения компаративистски осмысливаемого понятия «тип текста». Данная структура имеет три части, следуя Филону, их можно обозначить так: 1) ум зодчего, в котором все части (τύπους) согласуются в целостности «умопостигаемого города»; 2) идеальные прообразы будущих строений (εἶδωλον); 3) реальный город как «чувственная сущность» (σωματικός οὐσία), выражающая замысел зодчего.

Попробуем спроецировать данную структуру на область текстовой культуры. В плане «чувственной сущности» мы имеем текстовую «реальность», в рамках которой фиксируемая в культуре ситуация сосуществования философского, научного, религиозного и художественного текстов рассматривается как выражение типичи связывающих их отношений. В плане прообраза речь идет о типах текстов как идеальных конструктах, проявляющихся в реальности и определяющих, что и как связывает тексты. С чем соотнести «ум зодчего»? Мы полагаем, что соотносимым является понятие «формат», производный от него глагол «форматировать» подразумевает набор текстовых операций (определение шрифта, размер поля, оформление абзаца и т. д.), сопоставимый с представлением об «умопостигаемом городе» в качестве формы, посредством которой различные типы согласуются друг с другом как части одного целого.

Из этой конструкции следует, что понятие «тип текста» является двузначным (вспомним о филоновом разграничении εἶδωλον и τύπος). В первом значении оно схватывается в отношении к реальности текстовой культуры. Такой подход определяет соответствующий вариант типологии, нацеливая на вопрос о параметре, позволяющем разбить текстовую реальность на сегменты и идентифицировать каждый из них. Данный вариант типологии можно охарактеризовать как аналитический. Во втором значении тип текста схватывается в отношении формата, в этом случае построение типологии связывается с решением иной задачи – реконструировать условие согласованности различных типов и тем самым обозначить идеальное единство поля текстовой культуры. Разработка подобной задачи определяет направленность синтетической типологии.

Уклон в аналитическую сторону – заметная особенность современных лингвистических исследований, в рамках которых значительную роль играет функциональный подход. Функционально-стилевой параметр позволяет выделить пять типов текста: разговорный, научный, официально-деловой, публицистический, художественный [7; 10]. Функциональный подход в рассмотрении проблемы типологии текстов не является исчерпывающим. Наряду с функциональным стилем выделяются также и другие параметры, определяющие собственные варианты типологии [1, С. 47–51].

Следует подчеркнуть, что рассматриваемые подходы опираются на параметры, в которых текст отражается как завершенное образование или готовый продукт, что позволяет ставить вопрос о типологии текста также и с другой стороны – с точки зрения процессов текстообразования. Такой подход, по мысли И. В. Кузнецова и Н. В. Максимовой, преодолевает ограниченности функционализма тем, что открывает «ретроспективу, восходящую к стилевому синкретизму, позволяет увидеть эволюцию типов текста» [11, С. 54–67]. Ретроспективно ориентированная типология определяется дихотомией «нарратив – ментатив» и соответствует теоретическим установкам нарратологии. Если к нарративному типу относятся художественные тексты, то ментатив представлен «научными, философскими текстами, а также многими текстовыми моделями публицистики, эпистоляриев, дневниковых записей» [там же, С. 55]. Их различает референция к событию (случайность, доходящая до несовпадения с действительностью в случае нарратива)

или процессу (объективность, мысленная реальность или идея в случае ментатива). В отношении научного текста в том смысле, в каком он воплощает теоретическое мышление, подобное размежевание между событийностью и процессуальностью означает выявление нормы (событие есть уклонение от нормы), которое осуществляется в рассуждении посредством того, что рассуждение членится как цепь дефиниций [23, С. 145].

Какова особенность аналитического подхода в вопросе типологии? Текстовую реальность можно разбить на различные типовые сегменты в зависимости от того, с какой целью это делается. Теоретическая цель неразрывно связана с вопросами прикладного значения предлагаемой типологии, и эти вопросы выражают широкий круг потребностей, например, в освоении профессиональных навыков текстовой деятельности (такой как академическое письмо), разработке алгоритма машинного перевода, усовершенствовании методик литературного перевода и проч. В какой мере ресурс аналитического подхода достаточен для решения философских задач? Не вызывает сомнений его продуктивность в такой важной области, как деятельность по переводу философских текстов, и предпринимаемые в этом направлении усилия переводчиков, сочетающих в себе философа и лингвиста, сложно переоценить.

Есть еще одна сторона проблемы, на которую стоит обратить внимание. Существуют тексты, расположенные как бы на стыке философии и науки, философии и религии, философии и художественной литературы. Факт существования подобных текстов вызывает вопрос о его возможности (со стороны философа необходимый для саморефлексии). Нельзя не заметить, к примеру, что «Исповедь» Августина – это религиозно-философский текст, который подобен «Мыслям» Паскаля. На чем основано утверждение такого подобия? Что такое религиозно-философский текст как синкретический конструкт? Или еще пример: В. И. Вернадский и его учение о ноосфере как своеобразный мост, связывающий естествознание и гуманитарную мысль. Как аттестовать основное произведение Вернадского «Научная мысль как планетное явление», где идея ноосферы получает свою концептуальную разработку? Как научный текст, перегруженный философским смыслом? Или коряво звучащим «научно-философское произведение»? Наконец, что такое «Философские повести» Вольтера: метафора в качестве заголовка, литературное произведение, созданное философом, или синкретический текстовый продукт, расположенный на стыке художественного выражения и философского размышления? Что выражает подход М. К. Мамардашвили к прочтению романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» в качестве метафизического текста – смешение философии и литературы или, напротив, попытку их размежевания?

Вопросов много, их не спишешь в специальную и узкую область исследований. Напомним наш вопрос: в какой мере аналитический подход к типологии отвечает потребности философа в саморефлексии? Это не академическое письмо и не машинный перевод, где можно задавать операциональный параметр выделения типов. Обращение к саморефлексии со стороны философа есть поиск смысла

текстовой культуры в целом, а это отвечает особенностям синтетического подхода к вопросу типологии. Сделаем два замечания.

Первое: понятие «синтетический тип» относится к формату как единому полю текстовой культуры, его назначение в том, чтобы выявить закрепленный в этом единстве порядок, согласованность содержания текстовой реальности как основание для типового сравнения, сопоставления или отождествления текстов. Второе: в той мере, в какой обращение к синтетическому подходу мотивировано соображением философской рефлексии, именно философский текст обозначает центр поля текстовой культуры. И на вопрос – как идентифицировать формат текстовой культуры? – есть резонный, с точки зрения философа, ответ: как диалог.

Какие синтетические типы текста позволяет выделить формат диалога? Вначале отметим, что особенность данного формата выявляется в оппозиции диалог/монолог и раскрывается как особенность коммуникативной ситуации диалога, построенной на ожидании ответной реакции собеседника. Подобная идея в центре внимания М. М. Бахтина: «В слове говорящего всегда есть момент обращения к слушателю, установка на его ответ. Это ярче всего проявляется в диалогической речи» [2, С. 209].

Следует полагать, что конструируемые в рамках диалогового формата типы текста являются также коммуникативно заряженными и конкретизируют ситуацию «обращения к слушателю» в различных вариантах того, как именно осуществляется это обращение и на какой ответ рассчитано. Одно дело – побуждать собеседника к дискуссии, ориентированную на знание, и другое – формировать убеждение как определенную модель поведения. В первом случае тип текста можно назвать теоретическим, его синтетическая значимость в том, что он связывает философский текст и научный. Второй тип мы обозначим как практический, его синтетичность реализуется в направлении связанности философского и религиозного текста.

Тип, обеспечивающий взаимосвязь философского и художественного текстов, отражает более сложную ситуацию адресации, разворачивающуюся одновременно в двух планах: познания и поведения. Мы обозначим его как тип «двусмысленного текста», отмечая особенность связанного с ним побуждения. М. К. Мамардашвили в анализе романа Пруста раскрывает «впечатление» как центральную тему в рефлексии стыка философского и художественного текстов [14, С. 20; 156]. Можно ли сказать, что эта тема репрезентирует типовую особенность текстовой культуры, в рамках которой перед читателем ставится задача «реализовать впечатление» как опыт смыслопорождения, открывающий в познании и поведении путь личностных актов? Данный вопрос фиксирует проблему описания предметности типов. Подход к ее решению можно видеть в том, чтобы описать синтетические типы как собственные типы философского текста. Отсюда два вопроса: 1) какие жанры философского текста репрезентируют типы? 2) Какие коммуникативные особенности текстов (обстоятельства порождения, цель текста и предполагаемый адресат) характеризуют формат и могут быть отнесены к разряду типовых особенностей?

Практический тип текста. Наиболее заметен в древней философии и репрезентирован жанрами: 1) «увещевания» (греч. *πρωτρελτικός*) – платоновские

«Алкивиад I», «Евтидем» и «Клитофонт»; 2) «наставления» (греч. *παράνεσις*) – «Наставление к супругам» Плутарха; «Нравственные письма к Луцилию» Сенеки; 3) «утешения» (греч. *παράμυθια*) – «Слово утешения к жене» Плутарха; «Утешение к Маркелле» Порфирия; «Утешение философией» Боэция.

Обстоятельства порождения: имеют одну сходную черту – это тексты, как правило, написаны по конкретному поводу и отражают некоторый поворотный момент в повседневной жизни человека. Таким поворотом может быть первое выступление на народном собрании (платоновский «Алкивиад I»), смерть близкого человека («Слово утешения к жене» Плутарха), несправедливый приговор и заключение в тюрьму («Утешение философией» Боэция), женитьба («Наставление к супругам» Плутарха) и т. д. Заметная их особенность в том, что повод написания текста находит свое выражение в содержании самого текста. Текст не дистанцируется от жизненной ситуации конкретного человека, но вбирает ее в себя и делает своим содержанием.

Цель текста: «приобщить к философии», «дать наставление» и «утешить» – все это разные целевые установки, их объединяет стремление вызвать в человеке умственную перемену (греч. *μετάνοια* как «сожаление» или «раскаивание»), которая не позволит поворотному моменту развиваться в жизненную драму. Сократ разговаривает с Алкивиадом, чтобы разрушить юношеское самомнение как угрожающую судьбе силу, локализованную внутри и потому невидимую Алкивиаду. В «Нравственных письмах» Сенека прямо заявляет, что «наша беда не приходит извне: она в нас, в самой нашей утробе», поэтому мы не знаем о болезни и «не ищем врача» [20, С. 84]. Чтобы выздороветь, болезнь нужно осознать. В этом смысле философский текст разыгрывает повод для своего создания как зеркало, в котором читатель может увидеть собственную ситуацию, пусть буквально и не совпадающую с описываемым.

Адресат: определяется в соответствии с практической нацеленностью текста как человек, нуждающийся в совете. Им может быть не только неопытный юноша, но и искушенный в философских размышлениях Боэций, который также не видит в себе источник своих несчастий.

Каким образом выявленные особенности характеризуют диалоговый формат применительно к практическому типу философского текста? Обращение автора – это назидание, близкое к тому, что можно обозначить как напутствие или совет, соответствующий ему ответ разворачивается в диапазоне реакций от простой благодарности за совет до усилия по его претворению в жизнь.

Теоретический тип текста. В философии репрезентируется жанрами: 1) «трактат» («Этика» Б. Спинозы); 2) «размышления» («Метафизические размышления» Р. Декарта); 3) «опыты» («Опыты о человеческом разумении» Дж. Локка); 4) «лекции» («Лекции по истории философии» Г. Гегеля).

Обстоятельства порождения: могут отражаться в самом тексте и даже определять его построения так, как, например, в лекциях, но они не образуют ядро содержания, что существенно отличает теоретический тип от практического. К примеру, в «Рассуждениях о методе» Декарт в автобиографической манере описывает контекст происхождения своих идей о познании, но это не ограничивает

и не определяет смысл его методологического проекта. Здесь заметна тенденция выхода текста за рамки ситуативности повода к его созданию, замкнутость на содержании, выражаемая в установке на общезначимое.

Цель текста – в обнаружении идей, которые могут принести всеобщую пользу в силу своей новизны. Польза новизны подчеркивается в «Письме к читателю», с которого Локк начинает свои «Опыты». Он пишет, что чувствует «так мало желания печататься, что если бы не льстил себя мыслью, что этот «Опыт» может быть сколь-нибудь полезен для других» [12, С. 84], то оставил бы его для узкого круга друзей. И именно новизна является одной из причин подобного нежелания, поскольку неизбежно вносит конфликт с традиционными представлениями. Такой конфликт нельзя трактовать в качестве культурно-исторической особенности Нового времени. Как симптом он выявляет теоретический тип текста в разных исторических условиях. Это и публичное сжигание в древних Афинах книги Протагора «О богах», и осуждение еретических текстов Абельяра на Санском соборе. Наконец, не является ли «защита» диссертации своего рода институционализированной формой теоретического текста, которая позволяет сублимировать привносимый им конфликт?

Адресат теоретического текста трудно определим, не вносят ясности ни образовательные, ни сословные, ни профессиональные параметры. «Я желаю, – замечает Локк, – чтобы ее [книгу] понял каждый, кто даст себе труд прочесть ее» [там же]. Поэтому Локк идет на дополнительное усилие: учитывая естественное разнообразие вкусов и предпочтений, одну и ту же идею он выражает различными способами. Это показатель открытости текста любому читателю, правда, с оговоркой, что читательская позиция будет соответствовать цели текста, т. е. выражать заинтересованность в новом взгляде на вещи.

Каким образом коммуникативные особенности теоретического текста характеризуют его диалоговый формат? Обращение автора и читательский ответ связываются в отношении *θεωρία*. Греческое *θεωρία* значит «учение», «созерцание», а также «путешествие», что подчеркивает новизну как существенную для нас коннотацию. Отправить человека с вопросом к оракулу – значит снарядить теора (греч. *θεωρός*). Какую реакцию предполагает его рассказ по возвращении? Думается, что здесь недостаточно выступить в роли заинтересованного слушателя. Получить ответ мало, его надо опробовать и испытать. Диалоговый формат теоретического текста можно представить как ситуацию научения или обучения, где автор демонстрирует определенную возможность, рассчитывая, что она будет освоена и опробована читателем как возможность его собственного мышления.

Тип «двусмысленный текст» представлен жанрами: 1) «утопия» и «антиутопия» («Государство» Платона, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона, «Остров» О. Хаксли); 2) философский роман (Вольтер «Кандид»; Дидро «Племянник Рамо»; Руссо «Юлия, или Новая Элоиза»; «Чума» А. Камю, «Тошнота» Ж. П. Сартра, «Дневник обольстителя» С. Кьеркегора, «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше).

Обстоятельства порождения в тексте не находят своего прямого отражения. Текст и внетекстовая реальность расходятся оттого, что в самом тексте создается подчеркнуто вымышленная и альтернативная реальность художественных образов и

метафор. Ключевой метафорой жанра утопии выступает «остров» как затерянный мир, оторванный от цивилизации и существующий особняком. Условность реальности подчеркивается, к примеру, Т. Мором стилистически: о порядках утопийцев мы знаем только со слов Рафаила Гитлодея, автор лишь пересказывает состоявшийся разговор. Эта же особенность заметна и в отношении философского романа. Вольтер в «Орлеанской девственнице» фальсифицирует автора созданного им произведения, задавая риторический вопрос: «К чему знать, кто автор?» [6, С. 21].

Цель текста варьируется от критики до апологии определенной философской идеи. Важная особенность в том, что эта идея зашифрована в сюжете, сплетается с обстановкой и персонифицирована во множестве диалоговых ситуаций. Понятно замечание Вольтера о том, что читателю следует «извлекать назидание из морали, скрытой в аллегориях» [там же]. И в качестве обобщающей характеристики текста можно взять фразу Вольтера о произведении, «в котором сказано больше, чем это кажется на первый взгляд» [6, С. 234]. Таким образом, текст косвенно транслирует идею, метафоры и художественные образы призваны воздействовать на читателя, по выражению Мамардашвили (он использует понятие «косвенный текст»²), – «внушить состояние», из которого разворачивается опыт смыслопорождения как личностный акт понимания. Индуцируемый текстом смысл характеризуется эквивокативностью, он отражает дорефлексивную позицию мысли, которая не разделяет форму и содержание и не выделяет особенности теоретического и практического подхода к предмету. Так, например, Заратустра у Ницше – это персонификация философского смысла, редуцирующего дуализм теоретического и практического к постижению, что «воля к истине» (*Wille zur Wahrheit*) подразумевает сущее, которое «должно подчиняться и покоряться» (*es soll sich euch fügen und biegen!*) [17, С. 108].

Адресат определяется негативно в смысле текста, созданного автором для себя. Образец такой самоадресации дает Руссо в «Новой Элоизе», подчеркивая, что этот текст не рассчитан ни на «людей со взыскательным вкусом», ни на «блюстителей нравственности», также он не подходит для «набожных людей», вольнодумцев и философов: «Итак, кому же книга понравится? Да, пожалуй, лишь мне самому» [19, С. 26]. Тут же у Руссо мы находим и самохарактеристику в проекции вымышленных авторов переписки: «чужестранцы, живущие в глуши, юные существа, почти дети, восторженные мечтатели, которые принимают за философию свое благородное сумасбродство» [там же, С. 25].

Каким образом выявленные коммуникативные особенности типа «двусмысленный текст» характеризуют его диалоговый формат? Обращение автора – это намек как пластичный и расплывчатый смыслообраз, рассчитанный на творческую реакцию читателя, который все поймет сам. Коммуникативная

---

^{2 2} «Грубо говоря, я предложил бы различение текстов на два рода: есть тексты, которые можно назвать прямыми, а есть тексты косвенные. Первые являются аналитическим, а вторые – выразительными текстами». Далее: в косвенных текстах «не столько формулируется некоторое понимаемое самим же автором содержание, сколько передается, внушается некоторое состояние сознания или состояние духа» [13, С. 13].

особенность намека соответствует ситуации намеренно недоговоренной фразы, загадочность которой побуждает собеседника к разгадке.

В рамках диалогового формата мы выделили три его спецификации («совет», «обучение», «намек»), в которых выражаются типовые особенности философского текста как практического, теоретического и «двусмысленного». Относительно какой точки зрения данная типология имеет смысл? Стоит вспомнить, что само понятие «тип текста» мы рассматриваем в связи с выдвигаемой Платоном политически-философской метафорой «основания государства». Как в таком случае соотносятся типы философского текста с этой политической метафорой и нельзя ли сказать, что в традиции, восходящей к платоновскому «Государству», мы находим символически выраженные прототипы теоретического, практического и «двусмысленного» текстов? Если допустить такую постановку вопроса, можно сказать, что «Государь» Н. Макиавелли является прототипом практического текста, «Богословско-политический трактат» Б. Спинозы, а также «Левиафан» Т. Гоббса – прототипы теоретического текста. Наконец, «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона – это прототипы «двусмысленного» текста.

Все это позволяет сделать предположение о том, что политически-философский текст отражает ситуацию философского текста в том смысле, что обозначает позицию автора в отношении общественной реальности на стыке критического отстранения и ангажированности, которому постоянно угрожает дилемма «*vita activa – vita contemplativa*» (Х. Арндт). Выйти за эти пределы для автора – значит выйти за рамки философии в направлении объективности или ангажированности, а попытка балансировать сталкивается с проблемой совместимости фактов и ценностей, непредвзятой рефлексии и социальной ответственности. Не является ли политически-философский текст как прототип текстовой культуры диалога тем решением проблемы, которое дается не путем размышления и последовательного согласования позиций, а путем изготовления/обретения образца для действия? Подобный вопрос намечает перспективу дальнейшего исследования.

Итак, что же обеспечивает концепту «диалог» релевантность контексту компаративистики? Она обеспечена особенностями диалога как формы философского текста в той мере, в какой диалог можно рассматривать в качестве рефлексивной и производной от текста надстройки. Тот момент, в котором особенности текста проявляются в качестве компаративистски распознаваемых возможностей концепта, с нашей точки зрения, обозначается вопросом о диалоге как формате текстовой культуры. В рамках этого формата мы выделяем три типа текста: практический, теоретический и т. н. двусмысленный, они играют роль каналов междисциплинарных связей философского текста с религиозным, научным и художественным.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л. Г. Бабенко – М. : Академический проект, 2004. – 464 с.
2. Бахтин М. М. Из архивных записей к работе «Проблемы речевых жанров» // Собрание сочинений в 7 т. / М. М. Бахтин. – М. : «Русские словари», 1997. – Т. 5. – С. 207–286.
3. Библер В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 29–43.
4. Библер В. С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М. : Политиздат, 1990. – 413 с.
5. Библер В. С., Ахутин А. В. Диалог культур // Новая философская энциклопедия в четырех томах. – М. : Мысль, 2010. – 1 т. – С. 659–661.
6. Вольтер Поэмы. Философские повести. Памфлеты / Вольтер; пер. с фр. – К. : Политиздат Украины, 1989. – 493 с.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
8. Гачев Г. Д. Гуманитарный комментарий к физике и химии. Диалог между науками о природе и человеке. – М. : Логос, 2003. – 512 с.
9. Далай-лама и российские ученые. Диалоги о сознании. URL: <http://dalailama.ru/video/3540-dalailama.html> (Дата обращения: 01.11.2017).
10. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики / М. Н. Кожина. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 1968. – 251 с.
11. Кузнецов И. В., Максимова Н. В. Текст в становлении: оппозиция «нарратив» – «ментатив» // Критика и семиотика. – 2007. – Вып. 11. – С. 54–67.
12. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3-х т. / Ред. И. С. Нарский. – М. : Мысль, 1985. – Т.1. – 621 с.
13. Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии / М. К. Мамардашвили. – М. : Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. – 584 с.
14. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути / М. К. Мамардашвили. – М. : РХГИ, 1997. – 571 с.
15. Межуев В. М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 65–73.
16. Микешина Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л. А. Микешина. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2010. – 575 с.
17. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. Ю. М. Антоновского. – М. : ИФ РАН, 2004. – 384 с.
18. Платон. Государство. Сочинения. В 3-х т. // Ред. Асмуса В. Ф. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3. Ч. 1. – С. 89–454.
19. Руссо Ж. Ж. Юлия, или Новая Элоиза / Ж. Ж. Руссо ; пер. с фр. – М. : Художественная литература, 1968. – 772 с.
20. Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Сенека. – М. : Наука, 1977. – 383 с.
21. Сравнительная философия. Знание и вера в контексте диалога культур / Ред. М. Т. Степанянц. – М. : Издательская фирма «Восточная литература». – 2008. – 344 с.
22. Степанянц М. Т. От европоцентризма к межкультурной философии // Вопросы философии. – 2015. – № 10. – С. 150–162.
23. Тюпа В. И. Дискурсивная практика теоретического мышления // Критика и семиотика. – 2009. – Вып. 13. – С. 142–151.
24. Филон Александрийский. О сотворении мира согласно Моисею // Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета / Пер. и коммент. А. В. Вдовиченко, М. Г. и В. Е. Витковских, О. Л. Левинской. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2000. – С. 51–113.
25. Философия и наука в культурах Востока и Запада / Ред. М. Т. Степанянц. – М. : Наука – Вост. лит., 2013. – 357 с.
26. Эко У. и Мартини К. М. (кардинал). Диалог о вере и неверии / Пер. с ит. (Серия «Диалог»). – 3-е изд. – М. : Библиско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011 – 144 с.

27. SCIENCE ART: наука или искусство – нужно почеркнуть. URL: <http://strelka.com/ru/magazine/2015/08/20/scienceart> (Дата обращения: 01.11.2017).
28. Intercultural Dialogue: In Search of Harmony in Diversity / Ed. by E. Demenchonok. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 402 p.
29. Philonis Alexandrini De officio mundi / Ed. L. Cohn, P. Wendland // Philonis Alexandrini opera quae supersunt. Bd. 1. B., 1896. S. 1-60.

Zarapin O.V. Philosophical Dialogue in the Context of Comparative Studies // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 4. – P. 45–57.

The article raises the question of the correlation between the dialogue in the meaning of the philosophical text form and in the meaning of the concept used in modern comparative studies. The question of such a relationship is aimed at clarifying the conditions that provide the concept of dialogue with its comparative relevance. The given conditions are revealed within typological features of the textual organization of the philosophical dialogue. The concept of "type" of the text is disclosed in the context of the political-philosophical metaphor used by Plato as the "founder of the republic" (οἰκιστὴν πόλεως), deciding what poets have to do. It is noted that the dialogue is not so much a certain type of text as "the format of a text culture," in which various (practical, theoretical and "ambiguous") types of philosophical texts are distinguished. A thesis is advanced about the typological correlation of the philosophical text and religious, scientific, literature texts. From the point of view of the Platonic metaphor, the question is raised and the prospect of studying political and philosophical texts as symbolic prototypes of the textual culture of the dialogue, considered in its three standard expressions, is outlined.

Key words: dialogue, type, format, text culture, comparative studies.

References

1. Babenko L. G. Filologicheskij analiz teksta. Osnovy teorii, principy i aspekty analiza: Uchebnik dlya vuzov [Philological analysis of the text. Fundamentals of the theory, principles and aspects of analysis: Textbook for high schools]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2004, 464 p.
2. Bahtin M. M. Iz arhivnyh zapisej k rabote «Problemy rechevyh zhanrov» [From archival records to the work "Problems of speech genres"], in Bahtin M. M. Sobranie sochinenij v 7 tt [Collected Works in 7 volumes]. Vol. 5: 207-286, Moscow, "Russian dictionaries" Publ., 1997, 731 p.
3. Bibler V. S. Ot naukoucheniya k logike kul'tury. Dva filosofskih vvedeniya v dvadcat' pervyj vek [From science to the logic of culture. Two philosophical introductions in the twenty-first century]. Moscow, Politizdat, 1990, 413 p.
4. Bibler V. S., Ahutin A.V. Dialog kul'tur [Dialogue of cultures]. Novaya filosofskaya ehnciklopediya v chetyreh tomah [New philosophical encyclopedia in four volumes]. Vol.1: 659-661. Moscow, Mysl' Publ., 2010, 744 p.
5. Bibler V. S. Kul'tura. Dialog kul'tur. Opyt opredeleniya [Culture. Dialogue of cultures. Defenition experience]. Voprosy filosofii [Issues of philosophy], 1989, № 6, p. 29-43.
6. Vol'ter Poehmy. Filosofskie povesti. Pamflety [Poems. Philosophical novels. Pamphlets]. Kiev, Politizdat Ukrainy, 1989, 493 p.
7. Gachev G. D. Gumanitarnyj kommentarij k fizike i himii. Dialog mezhdu naukami o prirode i cheloveke [Humanitarian commentary on physics and chemistry. Dialogue between the sciences of nature and man]. Moscow, Logos, 2003, 512 p.
8. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 139 p.
9. Loka, Dzh. Opyt o chelovecheskom razumenii [An Essay Concerning Human Understanding], in: Loka, Dzh. Sochineniya v 3 t. [Works in 3 volumes]. Vol. 1: 78-583. Moscow, Mysl' Publ., 1985, 621 p.
10. Dalaj-lama i rossijskie uchenye. Dialogi o soznanii [Dalai Lama and Russian scientists. Dialogues about consciousness]. Available at: <http://dalailama.ru/video/3540-dalai-lama.html> (Accessed: 01.11.2017)

11. Kuznecov I. V., Maksimova N. V. Tekst v stanovlenii: oppozitsiya «narrativ» - «mentativ» [Text in formation: opposition "narrative" - "mentative"]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 2007, no. 11, pp. 54-67.
12. Kozhina M. N. K osnovaniyam funkcional'noj stilistiki [To the foundations of functional stylistics]. Perm', 1968, 251 p.
13. Mamardashvili M. K. Oчерк современной европейской философии [Essay on Contemporary European Philosophy]. Moscow, Progress-Tradition, Fond Meraba Mamardashvili Publ., 2010, 584 p.
14. Mamardashvili M. K. Psihologicheskaya topologiya puti [Psychological topology of the path]. Moscow, Russian Christian Institute for Humanities, 1997, 571 p.
15. Mezhuev V. M. Dialog kak sposob mezhkul'turnogo obshcheniya v sovremennom mire [Dialogue as a way of intercultural communication in the modern world]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 2011, № 9, pp. 65-73.
16. Mikeshina L. A. Dialog kognitivnykh praktik. Iz istorii ehpistemologii i filosofii nauki [Dialogue of cognitive practices. From the history of epistemology and the philosophy of science]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN) Publ., 2010, 575 p.
17. Nicshe F. Tak Govoril Zaratustra [Thus spoke Zarathustra]. Transl. from German by YU. M. Antonovskii, Moscow, IF RAN, 2004, 384 p.
18. Platon Gosudarstvo [Republic], in: Platon Sochineniya V 3-h t. [Works in 3 volumes]. Vol 3. Part 1.: pp. 89-454. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 687 p.
19. Russo ZH. ZH. YULiya ili novaya EHloiza [Julia or the new Eloise]. Moscow, «Hudozhestvennaya literatura» Publ., 1968, 772 p.
20. Seneka Nравstvennye pis'ma k Luciliyu [Moral letters to Lucilia]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 383 p.
21. Sravnitel'naya filosofiya. Znanie i vera v kontekste dialoga kul'tur [Comparative philosophy. Knowledge and faith in the context of the dialogue of cultures]. Moscow, «Vostochnaya literatura» Publ., 2008, 344p.
22. Stepanyanc M. T. Ot evropocentrizma k mezhkul'turnoj filosofii [From Eurocentrism to Intercultural Philosophy]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 2015, № 10, pp. 150-162.
23. Tyupa V. I. Diskursivnaya praktika teoreticheskogo myshleniya [Discursive practice of theoretical thinking]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 2009, vol. 13, pp. 142-151.
24. Filon Aleksandrijskij O sotvorenii mira soglasno Moiseyu [On the Creation of the World according to Moses], in: Filon Aleksandrijskij. Tolkovaniya Vethogo Zaveta [Interpretations of the Old Testament]. Pp. 51-113. Moscow, "Greko-latinskij kabinet" YU. A. SHichalina, 2000, 451 p.
25. Filosofiya i nauka v kul'turakh Vostoka i Zapada [Philosophy and science in the cultures of the East and West]. Moscow, Nauka Publ., 2013. 357 p.
26. EHko U., kardinal Martini Dialog o vere i neverii [Dialogue on faith and disbelief]. Moscow, Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreyana Publ., 2011, 144 p.
27. SCIENCE ART: nauka ili iskusstvo – nuzhnoe podcherknut' [science or art - emphasize what is needed] Available at: <http://strelka.com/ru/magazine/2015/08/20/scienceart> (Accessed: 01.11.2017)
28. Intercultural Dialogue: In Search of Harmony in Diversity / Ed. by E. Demenchonok. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 402 p.
29. Philonis Alexandrini De opificio mundi / Ed. L. Cohn, P. Wendland // Philonis Alexandrini opera quae supersunt. Bd. 1. B., 1896. S. 1-60.